

ЛЕПНЫЕ КУВШИНЫ V–IV вв. до н.э. ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

© 2011 г. К.Ю. Пеляшенко*, Д.С. Гречко**

*“Слобожанская археологическая служба”, Харьков (peyashenko@mail.ru)

**Институт археологии НАН Украины, Киев

Ключевые слова: *Днепро-Донская лесостепь, кувшин, лепная посуда, скифское время, типология.*

The article is devoted to the innovations in the ceramics tradition that appeared in the 5th c. BC on the territory of the Dnieper-Don forest-steppe. In the second half of the 6th – the beginning of the 5th cc. BC significant changes occurred in the pottery assemblage of the population of the Scythian forest-steppe, especially in the production of table and household vessels. A completely new category of hand-made ware appeared, i.e. jars. In this context, the following issues appear to be the most relevant: origin of the form, function of the ware, and territorial and chronological differentiations. The authors are of the opinion that the new form appeared under the influence of an external tradition, that of classical antiquity; however, the true reasons lie in the change of economic priorities that influenced the diet. In the 5th–4th cc. BC jars replaced some categories of table and household vessels and became part of the regular household utensils.

Важное значение при изучении этнокультурной истории и хозяйства древних народов имеет анализ керамических изделий. Объектом нашего исследования является одна из категорий местной лепной керамики – кувшины. Керамический комплекс населения данного региона отличался разнообразием форм и непостоянством гончарных традиций. Особенно ярко эволюция форм во времени прослеживается на примере столовой и тарной посуды. Если в кухонной керамике намечены лишь хронологические изменения в пропорциях формы горшка, то в столовой и тарной посуде в V в. до н.э. отмечается смена практически всех форм.

При комплексном рассмотрении кувшинов скифского времени возникает ряд вопросов: о происхождении и причине появления качественно новой формы в традиционном керамическом комплексе, о функциональном назначении разных по форме и размерам сосудов, выделении территориально-хронологических отличий и причинах их появления. Кроме того, рассматривая данную категорию посуды, на наш взгляд, вначале необходимо дать более точное определение термина, так как в литературе намечалась определенная путаница в названии этих сосудов. Все эти вопросы являются задачами данного исследования.

Специального освещения в литературе эта тема до сих пор не получила. Ряд исследователей памятников Среднего Дона обращали внимание на некоторые вопросы, связанные в основном с про-

исхождением кувшинов, поскольку они являются основной формой местной посуды в погребениях.

П.Д. Либеров, анализируя лепную керамику памятников Лесостепного Подонья, определяет время появления кувшинов V–IV вв. до н.э., указывая на ближайшие аналогии им среди вазообразных сосудов предскифского и раннескифского времени. Однако исследователь сомневался в их хронологической преемственности (Либеров, 1965. С. 19). Кувшин, найденный в кургане № 3 (1927 г.) группы Частых курганов, вслед за А. Городцовым (1947. С. 19), считал подражанием античной посуде.

А.И. Пузикова выделяет кувшины в отдельный тип и очерчивает их ареал за пределами Среднего Дона (1969. С. 57). Исследователь придерживается мнения о местном происхождении формы, генетически связанной с вазами из погребений предскифского времени, оговаривая, что ручки на сосудах появились в результате влияния античной традиции (Пузикова, 1969. С. 62).

Позднее А.И. Пузикова несколько изменяет свое мнение, утверждая, что “форма кувшина возникла под влиянием проникновения в Лесостепь греческих амфор, что произошло только в конце 5 – начале 4 в. до н.э.” (1996. С. 209).

Не исключает преемственности кувшинов от предскифских “ваз” А.П. Медведев в то же время отмечая другой аспект появления кувшинов: “Широкое использование в курганных погребениях различных кувшинообразных высокогорлых сосудов,

видимо, косвенно отражает важную роль жидкой, в первую очередь молочной пищи в рационе питания этого населения” (1999. С. 114).

В.Д. Березуцкий подвергает сомнению связь позднескифских кувшинов с предскифскими и раннескифскими формами, аргументируя это тем, что “Хронологический разрыв между двумя группами памятников, отсутствие прямой преемственности в развитии двух культур – предскифского и скифского времени оставляют этот вопрос лишь на уровне теоретической возможности. Вероятнее всего, создание ваз без ручек и с ручками представителями среднедонской культуры – это действительно подражание, но не предскифским вазам, а, что более вероятно, античным образцам на варварский манер” (Березуцкий, 2006. С. 146).

Точно так же, как нет единого мнения относительно происхождения рассматриваемых сосудов, нет единого термина, который определяет эту категорию посуды. Ряд исследователей называет узкогорлые сосуды больших размеров “вазами” (Медведев, 1999. С. 114; Березуцкий, 2006. С. 146). Другие разделяют их по морфологическим признакам, обозначая сосуд, имеющий ручку, – “кувшин”, а сосуд без ручки – “ваза” или “вазообразный сосуд” (Пузикова, 1969. С. 62; Либеров, 1965. С. 19). Часть авторов объединяет сосуды под общим названием “кувшин” (Шрамко, 1983. С. 84, 85; Петренко, 1967. С. 21) либо “кувшинообразный сосуд” (Ковпаненко и др., 1989. С. 105). Относительно сосудов средних и малых размеров, то практически все исследователи определяют их как “кувшин”.

Если обратиться к толковым словарям русского языка, то все они дают примерно одинаковые определения термина “кувшин”: “глиняный, стеклянный или металлический сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом, с ручкою и носиком” (Даль, 1955. С. 210), “высокий округлый сосуд с горлышком и ручкой” (Ожегов, Шведова, 2007. С. 312), “глиняный высокий сосуд, суживающийся сверху, с ручкой” (Толковый словарь..., 1935. С. 1539), “высокий суживающийся сверху сосуд с ручкой и носиком” (Новый толково-словообразовательный словарь..., 2000). Схожую трактовку находим в “Словнику-довіднику з археології”: “Посудина для рідини. Має видовжені пропорції та одну або дві ручки” (1996. С. 54).

Таким образом, из выше приведенных толкований можно заключить, что необходимыми условиями для признания сосуда кувшином являются высотный показатель, выделенное горло, наличие ручки, и, в некоторых словарях, наличие носика для слива. Однако если обратиться к этнографическим источникам, то не все перечисленные показатели

будут обязательными для определения данного термина.

Так, О. Пошивайло в “Словаре народной гончарной терминологии Левобережной Украины” дает широкий спектр названий различных видов кувшинов, их функциональное назначение и описание морфологических особенностей. Под общим названием “гличик” (рус. – кувшин) объединяются термины: “гладушик”, “гладун”, “глячок”, “зливушник”, “кушин”, “питун”, “стоянець”, “тиква” и др. (Пошивайло, 1993. С. 123–158). Общим для всех видов является узкое выделенное горло и значительный высотный показатель. Наличие ручки и носика для слива необязательно. Например, “гладушик” – кувшин без ручки для хранения молока или воды (Пошивайло, 1993. С. 127). Значительно варьируется и объем сосудов – от 0.5 до 5–6 л (Пошивайло, 1993. С. 165). Отличаются вышеперечисленные виды кувшинов и функциональным назначением: для хранения молочных продуктов, воды, крепких напитков, для приготовления молочных продуктов, для разливания жидкостей. Большие формы, как правило, использовались для хранения и приготовления, а малые – для подачи на стол и разливания.

Таким образом, на основании этнографических параллелей можно сделать два заключения: общими для сосудов, имеющих название “кувшин”, являются значительный высотный показатель формы, узкое выделенное горло (необязательны наличие ручки и носика для слива, что противоречит современному толкованию термина); различные виды кувшинов использовались для хранения, приготовления и разливания жидкостей (вода, молочные продукты, крепкие напитки). Внутренние отличия в использовании сосуда, как правило, были обусловлены размерами и деталями формы.

Представленный в данной работе обобщающий анализ группы кувшинов скифского времени Днепро-Донской лесостепи основан на методе построения типологических рядов. В процессе исследования была предпринята попытка классификации сосудов с помощью математических данных согласно “Программе статистической обработки керамики” В.Ф. Генинга (1973. С. 114–136). Из восьми указателей формы три (высотногогорловинный, профилировки шейки и выпуклости плечика) показали значительные отличия в категориях размеров. Однако графики, составленные на основе полученных данных, показывают сплошную линию переходных форм и не позволяют выделить типы. Другие указатели (высотный, широтногорловинный, высоты тулова, высоты плеча, ширины дна) дают незначительные отличия в категориях размеров, за исключением одиночных “выпадов”.

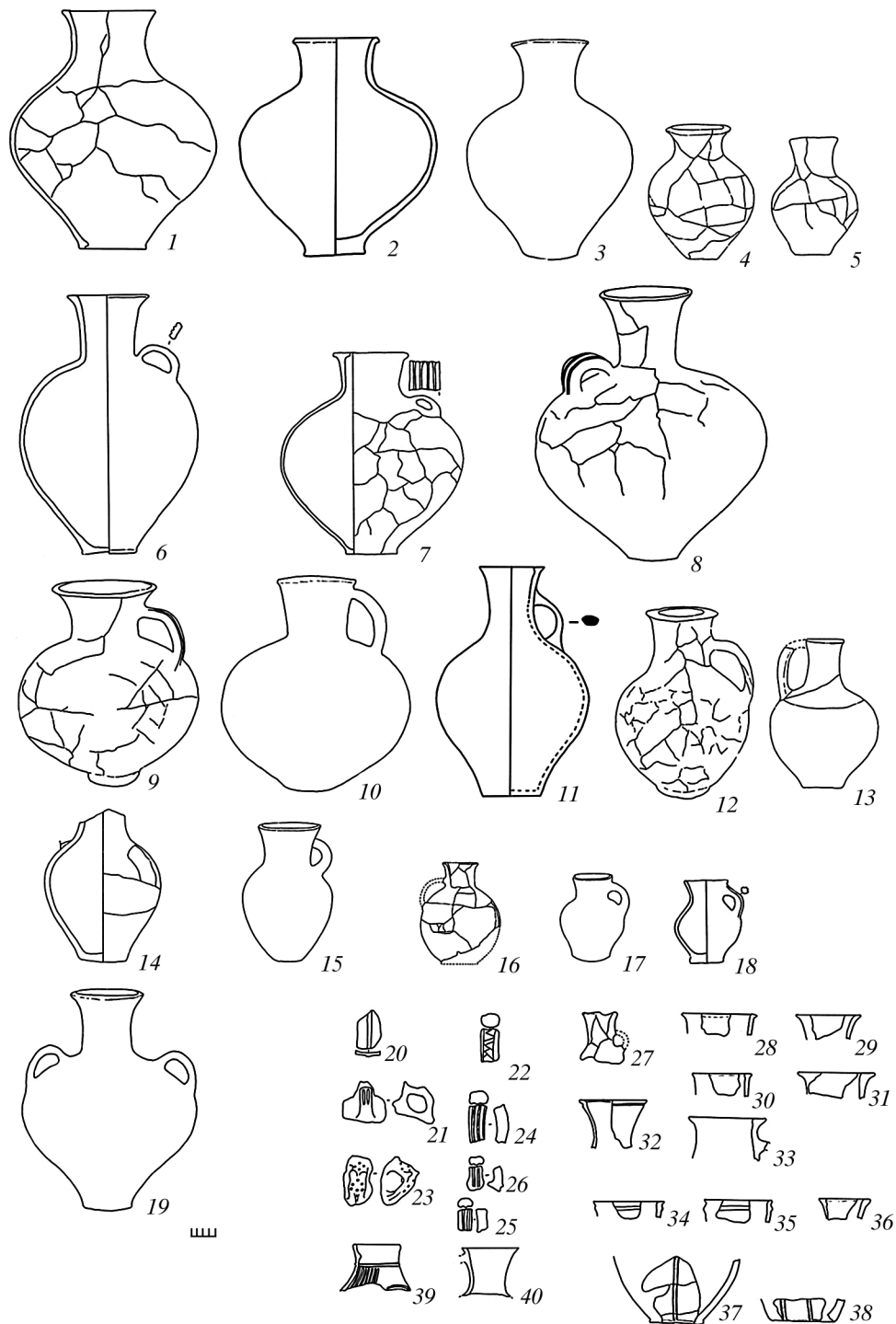

Рис. 1. Кувшины IV в. до н.э. из памятников бассейна Среднего Дона: 1 – хут. Дубовой, кург. 7; 2 – Колбино 1, кург. 10; 3 – Дуровка, кург. 9; 4, 5, 13 – Терновое, кург. 5; 6 – Горки-1, кург. 13; 7 – Ближнее Стояново, кург. 8; 8 – Русская Тростянка, кург. 5; 9 – Русская Тростянка, кург. 1; 10 – Частые курганы, кург. 9; 11 – Колбино 1, кург. 40; 12 – Русская Тростянка, кург. 14; 15, 17 – гор. Русская Тростянка; 14, 23–26, 28, 30, 31, 33, 35, 36 – гор. Кировское; 14, 20, 39, 40 – гор. Мостищенское; 18 – гор. Семилукское; 19 – Частые курганы, кург. 3; 21, 27 – гор. Круглое; 22, 32, 34, 37 – гор. Волошино; 29, 38 – гор. Большое Сторожевое (1, 7 – по В.Д. Березуцкому; 2, 11 – по А.А. Шевченко; 3, 8, 9, 12, 14, 15, 17, 21–38 – по А.И. Пузиковой; 4, 5, 13 – по В.И. Гуляеву; 6 – по В.И. Гуляеву, Е.И. Савченко; 10 – по С.Н. Замятину; 16, 20, 39, 40 – по А.Т. Синюку, В.Д. Березуцкому; 18 – по А.Д. Пряшину, Ю.Д. Разуваеву; 19 – по П.Д. Либерову).

Таким образом, попытка математической классификации кувшинов показывает несостоятельность выделения типов по морфологическим признакам, но позволяет обозначить общие признаки для всех сосудов. Термином “кувшин” в работе мы будем обозначать высокий сосуд с узким и высоким горлом, округлым либо слегка вытянутым туловом, переходящим в средней ширины дно.

При составлении выборки учитывались, прежде всего, целые формы, найденные при раскопках поселенческих структур и могильников, а также определяемые части форм, широко представленные в поселенческом материале. Всего в работе учтено 46 археологически целых сосуда из памятников скифского времени междуречья Днепра и Дона: Дон (18 экз.), Северский Донец (10 экз.), Ворскла (15 экз.), Сула (один экз.), Псел (один экз.), Приднепровская террасовая лесостепь (один экз.).

Кувшины разделены на отделы по наличию или отсутствию ручки. Внутри отдела типы выделены по количеству ручек, деление на варианты принято по способу крепления и форме ручки. Внутри типов объединены сосуды больших (высотой 32–48 см и объемом 6–30 л), средних (высотой 20–26 см и объемом 1.5–3 л) и малых (высотой 10–16 см и объемом 0.3–0.7 л) размеров.

Отдел 1 – кувшины без ручек. Всего известно 18 сосудов: 10 больших, 7 средних и 1 малых размеров. Найдены они на Среднем Дону: в кург. 9 у с. Дуровка (Пузикова, 2001. Рис. 28, 1) (рис. 1, 3), в кург. 10 могильника Колбино 1 (Шевченко, 2009. Рис. 13, 27) (рис. 1, 2), в кург. 7 у хут. Дубовой (Березуцкий, 2006. Рис. 4, 1) (рис. 1, 1), два сосуда в кург. 5 у с. Терновое (Гуляев, 2002. Рис. 4, 25, 27) (рис. 1, 4, 5); на Северском Донце: в кург. 7 Старомерчанского мог. (Бандуровский, 1999. Рис. 15) (рис. 2, 1), в кург. 1 у с. Протопоповка (Бородулин, 1976. Рис. 3, 2) (рис. 2, 2), в кург. 27 Песочинского мог. (Бабенко, 2005. Рис. 37, 1) (рис. 2, 3), в насыпи кург. 2 у с. Островерховка (Шрамко, 1956. Табл. 3, 8) (рис. 2, 4); в бассейне р. Ворскла: в погр. 1 кург. 6 у с. Купьеваха (Бойко, Берестнев, 2001. Рис. 4, 1) (рис. 3, 1), два сосуда в яме 7 (2001 г.) ур. Лисовой Кут (Гейко, 2002. Рис. 1; 2) (рис. 3, 2, 3), в кург. 1 у с. Опошня (Коваленко, Луговий, 2006. Рис. 2, 11) (рис. 3, 5), два сосуда на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 4, 6) (рис. 3, 4, 6); в Посулье: в яме 2 (1957 г.) Басовского городища (Іллінська, 1965. Рис. 16, 5) (рис. 4, 1); на Пеле: Кнышовское городище (Ильинская, 1957. Рис. 6, 8) (рис. 4, 2); в Приднепровской Террасовой Лесостепи: в кург. у с. Келеберда (Фиалко, 1994. Рис. 21) (рис. 4, 3).

Наиболее ранние из них известны в бассейне р. Ворскла: кувшин из ямы 49 раскопа 26 (1977 г.) на Восточном укреплении Бельского городища (рис. 3, 4) датируется фрагментами хиосской амфоры первой половиной V в. до н.э.; два сосуда из ямы 7 у ур. Лисовой Кут на Бельском городище датируются первой половиной – серединой V в. до н.э. (рис. 3, 2, 3). В бассейне Северского Донца кувшин V в. до н.э. был найден в кург. 1 у с. Протопоповка (рис. 2, 2). Остальные сосуды относятся к концу V – IV в. до н.э. (рис. 5).

Орнаментация встречена только на одном кувшине, происходящем с Басовского городища, – налепной валик в основании шейки, расчлененный косыми насечками, от которого спускаются гирлянды в виде полукруглых фестонов из налепного валика, поверхность которых также украшена насечками (рис. 4, 1).

Отдел 2 – в отдел объединены кувшины, имеющие одну или две ручки. Внутри выделено два типа.

Тип 1 – сосуды с одной ручкой (22 археологически целых формы). По способу крепления ручки можно выделить кувшины с петлевидной ручкой, которая крепилась на плече, и сосуды с креплением ручки от плеча к горлу. Кроме того, они разнятся формой сечения самой ручки (рис. 5).

Вариант 1 – сосуды с петлевидной ручкой, овальной (плоской) в сечении. Такой способ крепления ручки видимо был характерен только для тарных сосудов, так как все известные формы (11 сосудов) имеют большие размеры (высотой 32–48 см).

Известны они на Среднем Дону: в кург. 8 у с. Ближнее Стояново (Березуцкий, 1996. Рис. 6, 1) (рис. 1, 7), в кург. 13 мог. Горки-1 (Гуляев, Савченко, 2004. Рис. 10, 7) (рис. 1, 6), в кург. 5 мог. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 7, 6) (рис. 1, 8); на Северском Донце: в кург. 14 мог. у с. Черемушная (Буйнов и др., 2005. Рис. 3, 1) (рис. 2, 8), три кувшина найдены в яме 5 (1990 г.) на Циркуновском городище (Буйнов и др., 2006. Табл. 30, 2; 34, 1; 35, 1) (рис. 2, 5–7); в бассейне р. Ворскла: в яме 7 (2001 г.) ур. Лисовой Кут (Гейко, 2002. Рис. 5) (рис. 3, 7), два сосуда в яме 116 раскопа 2 (1980 г.) поселения у с. Лихачевка (Моруженко, 1980. Табл. 29, 2; 30, 1) (рис. 3, 8, 9), в раскопе 29 (1980 г.) на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко, 1987. Рис. 50, 8) (рис. 3, 10). Отдельные находки петлевидных ручек известны также на городищах бассейна р. Сулы и Псла (Іллінська, 1965. Рис. 16, 6; Ильинская, 1957. Рис. 6, 9) (рис. 4, 5, 11–13), что свидетельствует о бытовании форм в этих регионах.

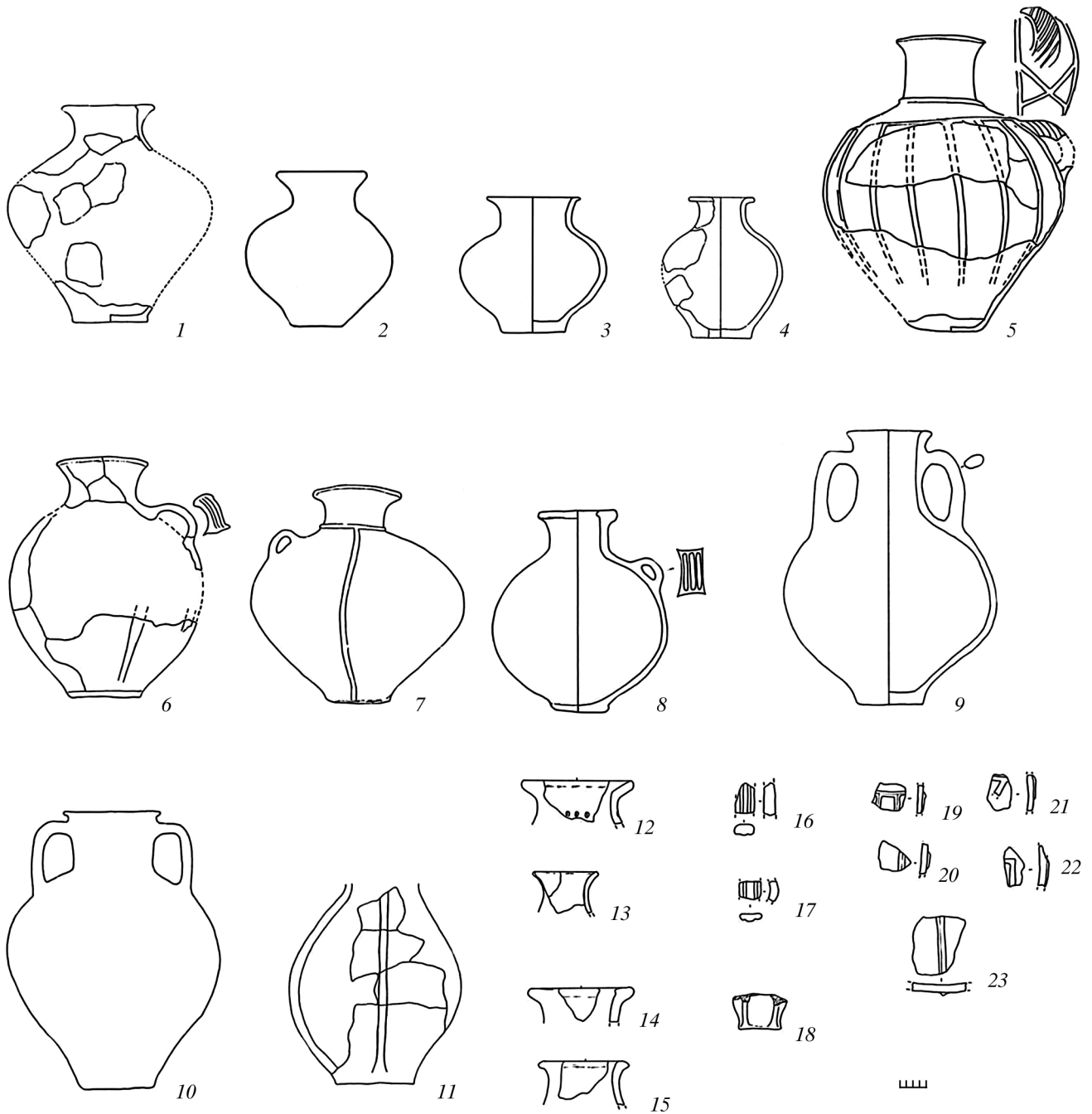

Рис. 2. Кувшины V–IV вв. до н.э. из памятников бассейна Северского Донца: 1 – Старый Мерчик, кург. 7; 2 – Протопоповка, кург. 1; 3 – Песочин, кург. 27; 4 – Островерховка, кург. 2; 5–7, 11 – гор. Циркуны; 8 – Черемушная, кург. 14; 9 – Песочин, кург. 10; 10 – Протопоповка, кург. 3; 12–23 – гор. у хут. Городище (1 – по А.В. Бандуровскому; 2, 10 – рис. по фото; 3, 9 – по Л.И. Бабенко; 4 – по Б.А. Шрамко; 8 – по Ю.В. Буйнову).

Наиболее ранние сосуды известны в бассейне р. Ворскла: кувшин из ямы 7 в ур. Лисовой Кут на Бельском городище, которая датируется первой половиной – серединой V в. до н.э. (рис. 3, 7). Видимо к первой половине – середине V в. до н.э. следует отнести два сосуда из ямы 116 раскопа 2 (1980 г.)

поселения у с. Лихачевка (рис. 3, 8, 9) (по общей датировке раскопа). Остальные сосуды относятся к концу V – IV в. до н.э.

Все известные кувшины этого варианта имеют орнамент на ручке в виде 2–4 продольных борозд-каннелюр. Лишь одна ручка была ложновитой

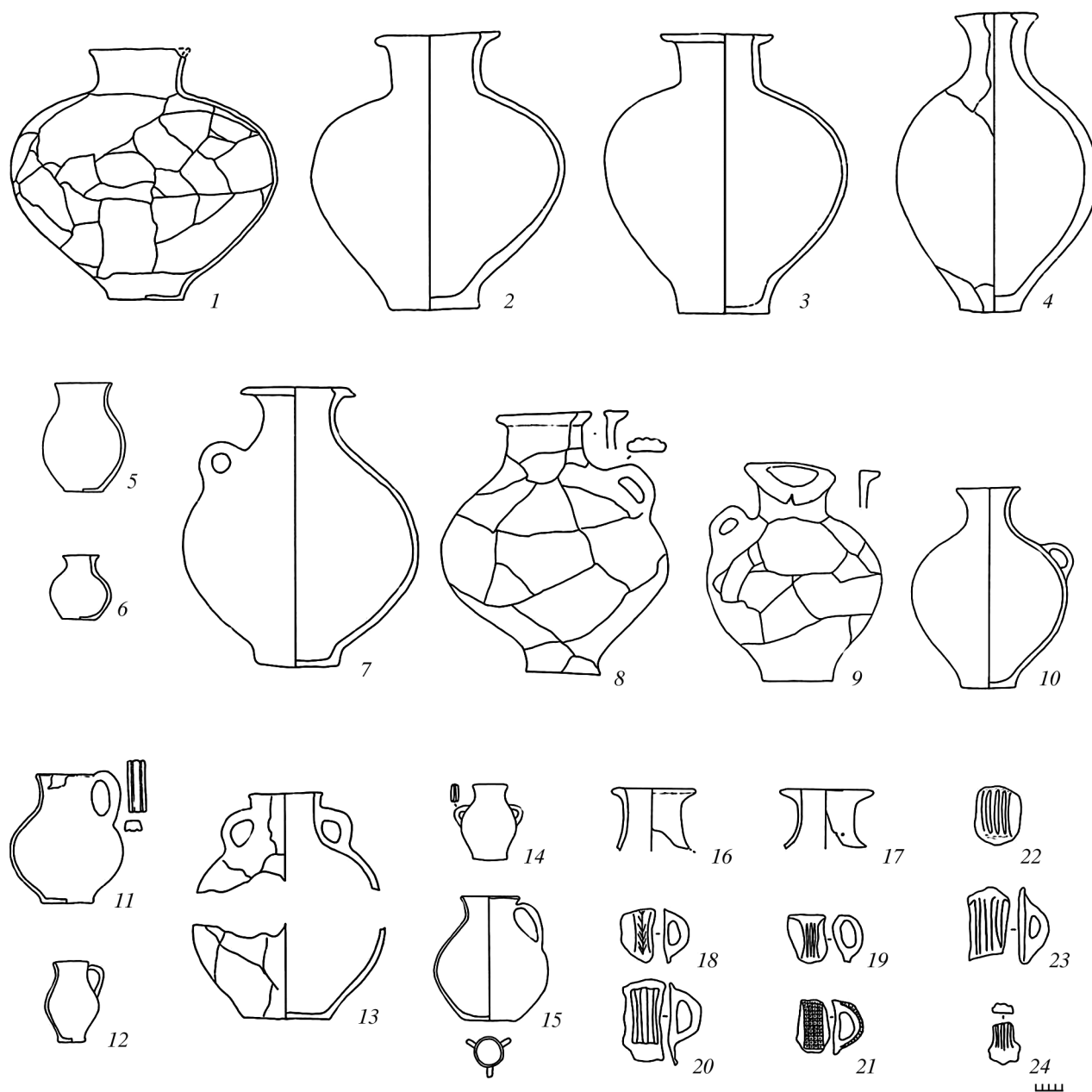

Рис. 3. Кувшины V–IV вв. до н.э. из памятников бассейна Ворсклы: 1 – Купьеваха, кург. 6, п. 1; 2, 3, 7 – поселение в ур. Лисовой Кут; 4, 6, 10, 12, 14, 18–21 – Бельское городище, Восточное укрепление; 5 – Опошня, кург. 1, п. 1; 8, 9, 16, 17, 22 – поселение Лихачевка; 11 – Олефирщина, кург. 16; 13 – Перещепино 2, кург. 14; 15, 23, 24 – поселение Царина могила (1 – по Ю.Н. Бойко, С.И. Берестневу; 2, 3, 7 – по А.В. Гейко; 4, 6, 10, 12, 14, 18–21 – по Б.А. Шрамко; 5 – по О.В. Коваленко, Р.С. Луговому; 8, 9, 16, 17, 22 – по А.А. Моруженко; 11 – по И.Н. Кулатовой, Л.Н. Луговой, А.Б. Супруненко; 13 – по В.Ю. Мурзину, Р. Ролле, В. Херц, С.В. Махортых, В.П. Белозору; 15, 23, 24 – по В.Ю. Мурзину, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорому, С.В. Махортых, В.П. Белозору).

(рис. 2, 5). Три сосуда из ямы 5 (1990 г.) на Циркуновском городище украшены гладкими налепными валиками на тулове и шейке (рис. 2, 5–7).

Вариант 2 – одноручные кувшины с креплением ручки (округлой либо подпрямоугольной в сечении) к тулову от плеча к шейке. Всего известно 11 археологически целых формы: четыре больших, три средних и четыре малых размеров.

Большинство происходят с памятников бассейна Среднего Дона: кург. 1 мог. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 4а) (рис. 1, 9), кург. 9 (раскопки С.Н. Замятина: 1946. Рис. 25) мог. Частые курганы (рис. 1, 10), кург. 40 мог. Колбино 1 (Шевченко, 2009. Рис. 47, 1) (рис. 1, 11), кург. 14 мог. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 21, 3) (рис. 1, 15), кург. 5 у с. Терновое (Гуляев, 2002.

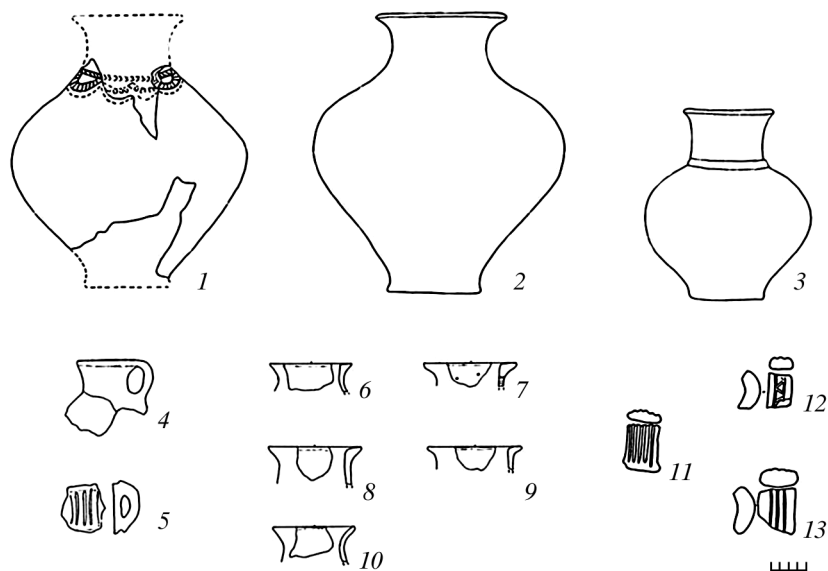

Рис. 4. Кувшины V–IV вв. до н.э. из памятников бассейна Сулы, Псла и Приднепровской террасовой лесостепи: 1, 4–10 – гор. Басовское (1, 4, 5 – по В.А. Ильинской); 2, 11–13 – гор. Кнышовское (2, 11 – по В.А. Ильинской; 12, 13 – по П.Я. Гавришу); 3 – Келеберда (по Е.Е. Фиалко) (1, 2, 4, 5, 11 – по В.А. Ильинской; 3 – по Е.Е. Фиалко; 12, 13 – по П.Я. Гавришу).

Рис. 5, 25) (рис. 1, 13), два кувшина из городища Русская Тростянка (Пузикова, 1969. Рис. 14, 20, 21) (рис. 1, 15, 17), Мостищенское городище (Синюк, Березуцкий, 2001. Рис. 97, 1) (рис. 1, 16), погр. 1 на Семилуцком городище (Пряхин, Разуваев, 1995. Рис. 7, 1) (рис. 1, 18). Два сосуда найдено в бассейне р. Ворскла: кург. 16 у с. Олефирщина (Кулатова и др., 1993. Рис. 21) (рис. 3, 11), Восточное укрепление Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 2) (рис. 3, 12). Так же верхняя часть формы происходит из Басовского городища (Іллінська, 1965. Рис. 15, 1) (рис. 4, 4).

Кувшины данного варианта появляются только в конце V в. до н.э. (рис. 5).

Только три сосуда имеют орнамент на ручке в виде двух продольных борозд-каннелюр: кург. 1 у с. Русская Тростянка, Семилуцкое городище и кург. 16 у с. Олефирщина (рис. 1, 9, 18; 3, 11).

Тип 2 – двуручные кувшины (пять археологически целых форм). Как и в типе 1 они делятся на варианты по способу крепления ручки (рис. 5).

Вариант 1 – с двумя петлевидными ручками (овальными или плоскими в сечении). Всего известно два сосуда: на Среднем Дону в кург. 3 (1927 г.) мог. Частые курганы – большой тарный сосуд (Городцов, 1947. Рис. 9) (рис. 1, 19); маленький кувшинчик (возможно миниатюрная модель большого сосуда) высотой 12 см происходит из раскопок Восточного укрепления Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 5) (рис. 3, 14). Ручки

обоих кувшинов орнаментированы продольными бороздами-каннелюрами.

Вариант 2 – двуручные кувшины, с креплением ручек (округлых в сечении) от плеча к тулову. Известно три археологически целых формы, имеющих большие размеры. Два сосуда найдены в погребениях северскодонецкой группы памятников: в кург. 3 мог. у с. Протопоповка (Бородулин, 1976. Рис. 9, 1) (рис. 2, 10), в погр. 1 кург. 10 Песочинского мог. (Бабенко, 2005. Рис. 22, 5) (рис. 2, 9). Один кувшин происходит из кург. 14 мог. Перещепино-2 (Мурзин и др., 1998. Рис. 17) в бассейне р. Ворскла (рис. 3, 13). Важно отметить, что два сосуда найдены в погребениях, датирующихся V в. до н.э. (кург. 3 у с. Протопоповка и кург. 14 Перещепино-2). Подобные двуручные кувшины известны среди материалов памятников Киево-Черкасского региона (кург. 382 и 383 у с. Грушевка и кург. в ур. Галушино) и так же относятся к первой половине – середине V в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1989. Рис. 22, 7, 10; Петренко, 1967. Табл. 7, 3). Сосуды данного варианта не имеют орнаментации.

К единичным экземплярам следует отнести кувшин с тремя ручками, найденный в яме 3 зольника 3 поселения Царина могила на Бельском городище (Мурзин и др., 2001. Рис. 30) (рис. 3, 15).

Если говорить об орнаментации в целом, то рассматриваемые сосуды украшались редко и скудно. В основном различным количеством каннелюр украшались ручки (рис. 1, 21, 24–26; 2, 16, 17; 3, 19, 20, 22–24; 4, 5, 11–13). Стоит отметить, что

		Отдел 2			
		Тип 1		Тип 2	
		Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2
первая-третья четверти V в. до н.э.	Отдел 1				
	Отдел 2				
конец V – IV в. до н.э.	Отдел 1				
	Отдел 2				

Рис. 5. Типо-хронологическая таблица распространения кувшинов V–IV вв. до н.э. Днепро-Донской лесостепи.

подобный способ орнамента в абсолютном большинстве встречается лишь на одноручных кувшинах (тип 1, вариант 1) (рис. 5). Наиболее древние изделия, украшенные подобным образом, найдены на поселениях в бассейне Ворсклы (Лихачевка, Лисовый Кут) и датируются V в. до н.э. Отсутствие других аналогий позволяет нам предположить, что именно здесь этот вид декора и появляется. Встречаются подобные кувшины в равной степени как среди погребального инвентаря, так и в материалах поселений и городищ. Важно отметить, что территория распространения орнаментации ручек каннелюрами ограничена Днепровским Левобережьем и Доно-Донецкой Лесостепью. Западнее Днепра подобный вид декора распространения не получил.

Иногда кувшины орнаментировались наlepными валиками. Целый комплекс таких сосудов обнаружен в яме № 5 на Циркуновском городище, которая датируется второй половиной IV в. до н.э. (рис. 2, 5–7). Кувшин № 1 орнаментирован двумя кольцевыми валиками у основания горловины сосуда и на плечиках. От нижнего отходят гладкие вертикальные валики через все тулово сосуда. Кувшин имеет одну ручку, орнаментированную косыми каннелюрами, имитирующими скрученный глиняный жгут. Под основанием ручки – крест из наlepных валиков (рис. 2, 5). Второй археологически целый кувшин отличается значительно большей приплюснутостью. Резко выраженная горловина отделена от плечиков гладким кольцевым валиком. По тулову сосуда от горловины до дна идут вниз четыре гладких валика трапецевидного или полукруглого сечения, постепенно переходящие в дно. Кувшин имеет одну ручку, через которую проходит гладкий валик, доходящий до кольцевого валика на шейке (рис. 2, 7). При исследовании Циркуновского городища были найдены фрагменты еще нескольких подобных кувшинов. Фрагменты керамики, украшенной вертикальными наlepными валиками, кроме Циркуновского городища найдены при раскопках городища в ур. Городище на Харьковщине (Либеров, 1962. С. 60; Пеляшенко, 2006. С. 209. Рис. 1, 20, 21) (рис. 2, 18–23), а также на поселениях Среднего Дона: городища Большое Сторожевое и Волошино (Пузикова, 1969. Рис. 9, 11, 12) (рис. 1, 37, 38). Полных аналогий циркуновским кувшинам нет. Орнамент в виде вертикальных наlepных валиков находит аналогии на Среднем и Нижнем Дону, а также на Кубани, где сосуды с подобным декором в большинстве случаев датируются второй половиной IV в. до н.э. (Марченко, 1972. С. 126, 133; Пряхин, Разуваев, 1995. С. 53.

Рис. 7, 8, 9; Смирнов, 1951. С. 152, 153). Вероятно, мы имеем дело со смешением керамических традиций, которое произошло в результате покорения какой-то части северскодонецкого населения сирматами и, возможно, меотами в последней трети IV в. до н.э.

Рассмотрение всей известной серии целых кувшинов позволяет сделать ряд заключений относительно их функционального назначения. Значительные различия в размерах (в объеме) указывают, прежде всего, на разное утилитарное использование. Сосуды больших пропорций, высотой 32–48 см и объемом 6–30 л, скорее всего, использовались как тарные, для хранения и разливания жидкости в более мелкую по объему посуду. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что все кувшины с маленькой петлевидной ручкой имеют большие размеры. Такой тип ручки наиболее удобен не для поднятия полного сосуда, а для поддерживания при наклоне при переливании жидкости.

Большинство же кувшинов среднего размера, высотой 20–26 см и объемом 1.5–3 л, имели ручку с креплением от плеча к горлу либо были без ручки, что соответствует традиционному пониманию столового сосуда. Кувшины малых размеров, высотой 10–16 см и объемом 0.3–0.7 л, могли так же использоваться для питья или зачерпывания, а возможно и в ритуальных целях.

Подтверждение их многофункциональности находим в этнографических источниках: у оседлого населения Средней Азии основная функция большого кувшина (“куза”) – хранение и ношение воды; сосуды средних размеров использовались для питья, варки, умывания, хранения молока и масла; маленькие кувшинчики применяли для зачерпывания воды из “хумов” (корчаг для хранения воды) (Пещерева, 1959. С. 48–77).

Использовались кувшины и в погребальном обряде (особенно широко на Среднем Дону). В большинстве случаев большой тарный сосуд там, где удастся зафиксировать положение погребенного и инвентаря *in situ*, располагался у ног погребенного (Купьеваха, кург. 6; Старый Мерчик, кург. 7; Дуровка, кург. 9; Черемушная, кург. 14; Частые курганы, кург. 9; Песочин, кург. 10, погр. 1) (Бойко, Берестнев, 2001. С. 6, 7; Бандуровский, 1999. С. 23, 24; Пузикова, 2001. С. 190; Буйнов и др., 2005. С. 11; Замятин, 1946. С. 34, 35; Бабенко, 2005. С. 23).

Находки лепных кувшинов в погребениях в основном характеризуют погребальный инвен-

тарь захоронений воинов, которым по статусу не было положено античной и металлической столовой посуды. Лишь иногда они находились в наборах с амфорой или бронзовым котлом. Это говорит о том, что лепные кувшины маркируют захоронения средней и высшей прослоек свободных общинников. Аналогичная ситуация отмечена Е.П. Бунятян в Степи, где лепная посуда характерна для модели 2, которая характеризует погребения рядовых общинников (1985. С. 81, 82).

Нами также отмечены некоторые территориальные отличия внутри рассматриваемого региона – Днепро-Донской Лесостепи. Отличается в основном серия кувшинов, происходящих из Среднего Дона (рис. 1). Сосуды имеют высокое горло с широким растробом, в то время как для остальных памятников характерны сосуды с более низким и цилиндрическим либо дуговидным горлом. Почти все кувшины с креплением ручки от плеча к шейке (отдел 2, тип 1, вариант 2) происходят из памятников Среднего Дона, за исключением двух сосудов, найденных на Ворскле. Большинство среднедонских кувшинов не имеет утолщения по краю венчика, в то время как на сосудах, происходящих из междуречья Днепра и Северского Донца, это один из характерных признаков, видимо, генетически связанных с хронологически предшествующими корчагами.

Изменение форм тарной посуды на протяжении скифского времени свидетельствует не только об эволюции гончарных традиций под воздействием инокультурного влияния, но и отражает динамику социально-экономических процессов в древних обществах. Лепная посуда относится к предметам быта, неразрывно связанным с пищей, рацион которой в древних обществах во многом определяется способом ведения хозяйства. Подтверждением этому может быть ряд археологических и этнографических параллелей. Кувшины не представлены в керамическом комплексе культур эпохи бронзы восточноевропейской Лесостепи (Берестнев, 2001. С. 76–117; Березанская, 1982. С. 68–90). Появление подобных сосудов отмечается в финальном бронзовом веке, когда “земледельческо-скотоводческое хозяйство и оседлый быт племен поздней бронзы сменяются скотоводческим хозяйством и кочевым образом жизни” (Гаврилюк, 1979. С. 25).

В Северном Причерноморье впервые кувшины без ручек встречаются в погребениях белозерской культуры (Ванчугов, Субботин, 1989. С. 60, 61) (рис. 6, 1–3). Их количество увеличивается в

захоронениях черногоровской и новочеркасской групп памятников начала раннего железного века (Махортых, 2005. С. 75, 109) (рис. 6, 4–15). Появляются кувшины с одной ручкой. В погребениях раннескифского времени кувшины массово встречены лишь в Предкавказье (Нартан, Ново-заведенное) (Батчаев, 1985. С. 20–44; Петренко и др., 2006. С. 404, 405) (рис. 6, 16–19). В Лесостепи в это время в качестве погребального инвентаря предпочитали использовать иные формы сосудов (корчаги, черпаки, кубки, миски, амфоры), хотя единичные случаи находок кувшинообразных сосудов все же известны (Буйнов, 1990. С. 140, 141).

Традиция эта прерывается в первой половине V в. до н.э. вместе с массовым, по сравнению со второй половиной VI в. до н.э., появлением дружинных захоронений на Ворскле и Северском Донце. Первой половиной – серединой V в. до н.э. датируются кувшины из ямы 7 (2001) ур. Лисовой Кут на Бельском городище (Гейко, 2002. Рис. 1; 2, 5), ямы 49 раскопа 26 Восточного укрепления Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 6), кург. 14 мог. Перещепино-2 (Мурзин и др., 1998. Рис. 17), кург. 1 и 3 мог. Протопоповка (Бородулин, 1976. С. 3–6). К середине V в. до н.э. сложились основные формы кувшинов. Двуручные сосуды являются наиболее ранними (отдел 2, тип 2, вариант 2), аналогии им происходят из погребений Киево-Черкасского региона и датируются так же V в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1989. С. 105). Эти кувшины, видимо, являются местными подражаниями античным амфорам. Кроме того, в V в. до н.э. известны сосуды без ручек (отдел 1) и с петлевидной ручкой (отдел 2, тип 1, вариант 1). Однако наибольшее распространение кувшины получают в конце V – IV в. до н.э. В это время на памятниках Днепро-Донского Лесостепного Левобережья полностью исчезают из набора тарной и столовой посуды корчаги и черпаки, и на смену им приходят кувшины и кружки.

Вопрос о происхождении кувшинов V–IV вв. до н.э. восточноевропейской Лесостепи не находит однозначного ответа. Непрерывную линию их эволюции на протяжении раннего железного века проследить не удается. В значительной степени это обусловлено таким же непостоянством этнической ситуации в регионе. Периоды запустения сменялись активным использованием данной территории различными группами ираноязычных кочевников или полукочевых племен. Отсутствие прямых синхронных аналогий позволяет нам предполагать местную линию развития кувшина, сложившуюся на основе бытующих форм, и, в значительной мере,

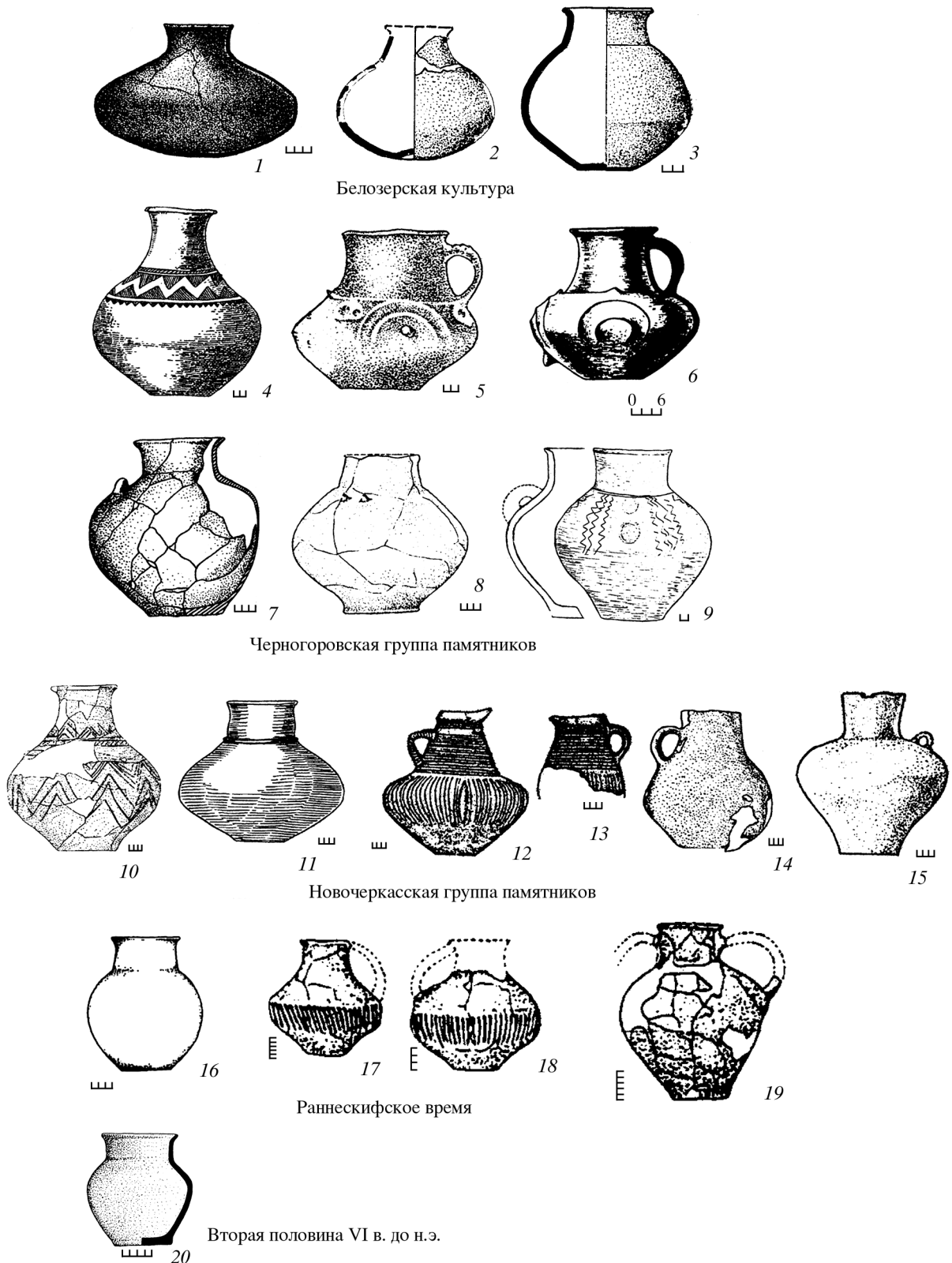

Рис. 6. Кувшины XI–VI вв. до н.э.: 1 – Казаклия; 2, 3 – Васильевка; 4 – Высокая Могила, п. 5; 5 – Рошканы, к. 3, п. 4; 6 – Селиште; 7 – Ленинское, кург. 2, п. 1; 8 – Зимогорье, кург. 2, п. 1; 9 – Провалье, кург. 8, п. 1; 10 – Балки, кург. 1, п. 1; 11 – Высокая Могила, кург. 2; 12, 13 – Рыбасово, кург. 6, п. 1; 14 – Александрия, кург. 2, п. 7; 15 – Звонецкое, кург. 2, п. 10; 16 – Малая Рогозянка-1, кург. 1, п. 3; 17 – Константиновск-на-Дону; 18 – Великая Знаменка, кург. 5, п. 1; 19 – Октябрьское, кург. 6, п. 5; 20 – Купьеваха, кург. 20, п. 4 (1, 4–15 – по С.В. Махоргыху; 2, 3 – по В.П. Ванчугову, Л.В. Субботину; 16 – по А.В. Бандуровскому, Ю.В. Буйнову; 17 – по В.Я. Кияшко, В.А. Кореняко; 18 – по Ю.А. Рассмакину, В.В. Отрошенко; 19 – по О.Р. Дубовской; 20 – по Ю.Н. Бойко, С.И. Берестневу).

под влиянием античной столовой и тарной керамической посуды, которая массово импортировалась в регион в V–IV вв. до н.э.

Таким образом, есть основания предполагать, что изменения наборов местной лепной посуды связаны с увеличением роли скотоводства у местного населения и, возможно, с определенными изменениями этнического состава полукочевой верхушки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.
- Бандуровский А.В.* Отчет о работе Мерчанской археологической экспедиции в Харьковской обл. за 1999 г. Харьков, 1999 // НА ИА НАНУ. 1999/114.
- Батчаев В.М.* Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.
- Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у с. Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.
- Берестнев С.И.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков, 2001.
- Бойко Ю.Н., Берестнев С.И.* Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.
- Бородулин В.Г.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 1976 г. Харьков, 1977 // НА ИА НАНУ. 1976/52.
- Буйнов Ю.В.* Охранные раскопки курганов скифского периода на Харьковщине // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990.
- Буйнов Ю.В., Бандуровский А.В., Окатенко В.Н.* Исследование курганов скифской эпохи в Харьковской области // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005.
- Буйнов Ю.В., Никитин А.Е., Гречко Д.С.* Отчет о раскопках Циркуновского городища в 1990 г. // НА ИА НАНУ. 2006.
- Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев, 1985.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В.* Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев, 1989.
- Гаврилюк Н.А.* Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
- Гейко А.В.* Набір тарного посуду скіфської доби з Більського городища // АЛЛУ. 2002. № 1.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.
- Городцов В.А.* Раскопки “Частых курганов” близ Воронежа в 1927 г. // СА. 1947. Т. 9.
- Гуляев В.И.* “Амазонки” на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004 (Тр. Донской (Потуданской) археолог. экспедиции ИА РАН, 2001–2003).
- Даль В.Г.* Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 2. М., 1955.
- Замятин С.Н.* Скифский могильник “Частые курганы” под Воронежем // СА. 1946. Т. 8.
- Ильинская В.А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. 1957. Т. 27.
- Іллінська В.А.* Басівське городище // Археологія. 1965. Т. 17.
- Коваленко О.В., Луговий Р.С.* Курган V ст. до н.э. поблизу селища Опішня Полтавської області // АЛЛУ. 2006. № 2.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.
- Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б.* Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. М.; Полтава, 1993.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962 (МИА; № 113).
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965 (САИ; Вып. Д1-31).
- Марченко К.К.* Лепная керамика V–III вв. до н.э. у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1.
- Махортых С.В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999.
- Моруженко А.А.* Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого Госуниверситета о работах в 1980 г. Донецк, 1980 // НА ИА НАНУ. 1980/98.

- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1997 г. Киев, 1998.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др.* Исследования совместной Украинско-немецкой археологической экспедиции в 2000 г. Киев, 2001.
- Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. М., 2000.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2007.
- Пеляшенко К.Ю.* Лепная керамика скифского времени городища в урочище Городище на Харьковщине // Археологическое изучение Центральной России: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М., 1967 (САИ; Вып. Д1-4).
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959 (Тр. ИЭ; Нов. сер. Т. 42).
- Пошивайло О.* Ілюстрований словник народної гончарської термінології Лівобережної України: Гетьманщина. Опішне, 1993.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.
- Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151.
- Пузикова А.И.* Городища скифского времени Среднего Подонья и Курского Посеймья // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Словник-довідник з археології. Київ, 1996.
- Смирнов К.Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. № 37.
- Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. Т. 1. М., 1935.
- Фиалко Е.Е.* Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. Киев, 1994.
- Шевченко А.А.* Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино 1 на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2009 (Тр. Донской археолог. экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.).
- Шрамко Б.А.* Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівка // АП. 1956. Т. 6.
- Шрамко Б.А.* Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.